

Комсомолу Украины — крупнейшему отряду всевозможного коммунистического союза молодежи Украины приходит с величайшими победами. На снимке секретарь ЦК ЛКСМУ тов. Андрейев.

Литературная газета

ОТГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

КОД РЕДАКЦИИ: В. БАГРИКОВА, А. ВОЛОТНИКОВА, М. КОЛЬЦОВА, В. ЛЮДИНА, А. СЕЛВАНОВСКОГО, И. СЕЛВАНСКОГО, М. СУБОЧКОГО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИВИЧ.

№ 88 (404)

14 ИЮЛЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ЧТО ВЫ ЧИТАЕТЕ?

БЕСЕДЫ О ЛИТЕРАТУРЕ

А. С. Точинский — главный инженер ГУМП ННТП

Об „Энергии“ и проблеме освоения

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ
♦ ЛЕНИНГРАД (Наш корр.). Типография «Печатный двор» выпустила сигнальные экземпляры первого тома полного собрания сочинений Н. А. ДОБРОЛЮБОВА, выходящего в ГИХЛ под общей редакцией П. И. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО.
В первом томе — литературная критика (статьи и рецензии 1856—1858 гг.). Этот том редактировал проф. Ю. Г. ОКСМАН. Кроме Ю. Г. Оксмана ближайшее участие в работе над подготовкой к печати текстов полного собрания сочинений Н. Добролюбова принимали участники Б. П. КОЗЫМИН и И. И. ВЕНСЛЕП.
♦ ТАГАНРОГ, 15 июля исполнилось 30 лет со дня смерти писателя А. П. Чехова, уроженца Таганрога. К юбилею в городе готовится массовый литературный вечер с воспоминаниями о жизни и творчестве писателя. Создается литературный музей им. Чехова.

Дневник Литературной газеты

14 ИЮЛЯ
На днях в издании Союзизда выходит первый сборник Литературного наследия Г. В. Плеханова.

Организованный в 1931 г. в Ленинграде при Государственной публичной библиотеке Дедюхиной-Щегловой в своих стенах все литературное наследие Георгия Валентиновича, вывезенное вдовой Плеханова из-за границы. Это наследие состоит из огромного архива и рабочей библиотеки. В последний насчитывается до 3 тыс. томов: все они были проработаны Плехановым, о чем свидетельствуют многочисленные заметки на полях и подчеркивания. Кроме того 200 тетрадей архива посвящены выпискам и заметкам из библиотечных книг. Сам архив содержит большой научный материал, представляющий огромный интерес.

Несмотря на меньший характер теоретических и политических ошибок Плеханова, не раз подвергавшихся критике большевиками, в первую очередь Лениным, в силе остается указание Владимира Ильича о плехановском наследии: «Независимо от того, насколько оно ценно, оно должно быть изучено, изучено — значит и использовано».

В результате читатель получает книгу, в которой творческое лицо иностранного автора подвергается воздействию человека со стороны. Будем думать, что в отдельных случаях редактор достаточно умен и чуток и сокращения, им предложенные, не ухудшат книгу. Даже при этом условии сокращения, сделанные без участия автора, будут насильственным вторжением в творческую лабораторию писателя.

Но дело обстоит далеко не всегда так «благополучно».

Мы уже писали о том, что иностранные авторы у нас издают мало. Повидимому при этом в издательских проектах серьезный отбор. Следовательно до нас доходят лишь книги лучших писателей Запада.

В ГИХЛ сократили роман Э. Линдлейера «Жуан в Америке». Сократили, как о том сообщается в предисловии, за счет родословной героя, на том основании, что она «не имеет непосредственного отношения к основному сюжету романа».

В ГИХЛ сократили роман Э. Линдлейера «Жуан в Америке». Сократили, как о том сообщается в предисловии, за счет родословной героя, на том основании, что она «не имеет непосредственного отношения к основному сюжету романа».

В том же ГИХЛ сократили роман Луи Селана «Путешествие на край света» — роман очень значительный и сделанный в весьма лаконичной манере. Сокращения в нем произвели так, что временами возникают сюжетные провалы.

Примеры можно было бы легко умножить. Но даже из приведенных можно сделать вывод достаточно радикальный. Советский читатель должен видеть лицо лучших писателей Запада без искажающего редакционного грима.

— Вы говорите, что почти все, с чем пришлось вам беседовать, начинали с жалоб на загруженность, мешающую читать. Но, сталкиваясь с товарищами, — все они чрезвычайно много работающие люди, — я вижу, что как-то хватает у них времени и на чтение и на то, чтобы говорить в театр. Зачем далеко ходить, вот вам пример наиболее разительный: трудно найти человека, работающего больше, чем наш нарком. А он, тем не менее, в курсе литературных новинок, театральных премьер. Не знаю, как добиться этого, могут только позавидовать. Тем более, что надо вам сказать, художественную литературу люблю и чрезвычайно. До последнего назначения не было в моей жизни дня, проведенного без книги. Что читал — классиков или современных писателей? Классиков с жадностью проглотил в юности и до сих пор отлично их помню. Последнее же время читал современных советских и иностранных писателей и, разумеется, первую книгу.

Хочу сказать об одной книге, которую прочел недавно с большим вниманием. Это — «Энергия» Гладкова. Увлекательно читающаяся книга. Человеческие фигуры нарисованы верно и живо. Язык, кажется, вызвал удивление критики. Но мне он нравится. Затем тот большой технический материал, который введен писателем в роман, — поделан в основном правильно и живо, а это значит, что и реальный успех. Надо сказать, что я довольно хорошо знаком с реальными фактами, которые послужили поводом к созданию романа. Описано в общем все правильно.

И вот только одно: почему Гладков совершенно упустил в романе роль техников? Неужели гигантское строительство могло быть осуществлено группой молодых энтузиастов? Особенно режет глаза следующее: в самый ответственный момент ликвидация аварии распоряжаются не инженеры, а те же самые безусые энтузиасты. Это в корне неправильно. Вообще литература наша плохо освещает роль техников в советском государстве, а она вовсе не так мала.

Если же и освещает, то неправильно, не туда устремляя внимание, куда нужно. Общественная работа инженера и техника нужна, необходима, но не в ней основа дела. Хороший советский инженер должен уметь спланировать вокруг себя людей на производстве, там его основная роль. Одним администрированием в наших условиях ничего не добьешься. Нужно увлечь живых товарищей по работе, организовать их, таким путем наладить производственный процесс. А про это, кажется, у нас не писали.

Я понимаю, наше замечательное время дает писателю столько материала, что у него разбегаются глаза. Но все-таки следует претендовать, чтобы и этот участок не был забыт литературой. Потом встает такая тема: романы о гигантских строительствах надо дополнить романами об освоении производства. И материал для этих романов можно будет легче найти на небольших, не слышимых государственных, а она вовсе не так мала.

Если же и освещает, то неправильно, не туда устремляя внимание, куда нужно. Общественная работа инженера и техника нужна, необходима, но не в ней основа дела. Хороший советский инженер должен уметь спланировать вокруг себя людей на производстве, там его основная роль. Одним администрированием в наших условиях ничего не добьешься. Нужно увлечь живых товарищей по работе, организовать их, таким путем наладить производственный процесс. А про это, кажется, у нас не писали.

Я понимаю, наше замечательное время дает писателю столько материала, что у него разбегаются глаза. Но все-таки следует претендовать, чтобы и этот участок не был забыт литературой. Потом встает такая тема: романы о гигантских строительствах надо дополнить романами об освоении производства. И материал для этих романов можно будет легче найти на небольших, не слышимых государственных, а она вовсе не так мала.

Если же и освещает, то неправильно, не туда устремляя внимание, куда нужно. Общественная работа инженера и техника нужна, необходима, но не в ней основа дела. Хороший советский инженер должен уметь спланировать вокруг себя людей на производстве, там его основная роль. Одним администрированием в наших условиях ничего не добьешься. Нужно увлечь живых товарищей по работе, организовать их, таким путем наладить производственный процесс. А про это, кажется, у нас не писали.

Я понимаю, наше замечательное время дает писателю столько материала, что у него разбегаются глаза. Но все-таки следует претендовать, чтобы и этот участок не был забыт литературой. Потом встает такая тема: романы о гигантских строительствах надо дополнить романами об освоении производства. И материал для этих романов можно будет легче найти на небольших, не слышимых государственных, а она вовсе не так мала.

Если же и освещает, то неправильно, не туда устремляя внимание, куда нужно. Общественная работа инженера и техника нужна, необходима, но не в ней основа дела. Хороший советский инженер должен уметь спланировать вокруг себя людей на производстве, там его основная роль. Одним администрированием в наших условиях ничего не добьешься. Нужно увлечь живых товарищей по работе, организовать их, таким путем наладить производственный процесс. А про это, кажется, у нас не писали.

Если же и освещает, то неправильно, не туда устремляя внимание, куда нужно. Общественная работа инженера и техника нужна, необходима, но не в ней основа дела. Хороший советский инженер должен уметь спланировать вокруг себя людей на производстве, там его основная роль. Одним администрированием в наших условиях ничего не добьешься. Нужно увлечь живых товарищей по работе, организовать их, таким путем наладить производственный процесс. А про это, кажется, у нас не писали.

Я понимаю, наше замечательное время дает писателю столько материала, что у него разбегаются глаза. Но все-таки следует претендовать, чтобы и этот участок не был забыт литературой. Потом встает такая тема: романы о гигантских строительствах надо дополнить романами об освоении производства. И материал для этих романов можно будет легче найти на небольших, не слышимых государственных, а она вовсе не так мала.

Если же и освещает, то неправильно, не туда устремляя внимание, куда нужно. Общественная работа инженера и техника нужна, необходима, но не в ней основа дела. Хороший советский инженер должен уметь спланировать вокруг себя людей на производстве, там его основная роль. Одним администрированием в наших условиях ничего не добьешься. Нужно увлечь живых товарищей по работе, организовать их, таким путем наладить производственный процесс. А про это, кажется, у нас не писали.

Я понимаю, наше замечательное время дает писателю столько материала, что у него разбегаются глаза. Но все-таки следует претендовать, чтобы и этот участок не был забыт литературой. Потом встает такая тема: романы о гигантских строительствах надо дополнить романами об освоении производства. И материал для этих романов можно будет легче найти на небольших, не слышимых государственных, а она вовсе не так мала.

Если же и освещает, то неправильно, не туда устремляя внимание, куда нужно. Общественная работа инженера и техника нужна, необходима, но не в ней основа дела. Хороший советский инженер должен уметь спланировать вокруг себя людей на производстве, там его основная роль. Одним администрированием в наших условиях ничего не добьешься. Нужно увлечь живых товарищей по работе, организовать их, таким путем наладить производственный процесс. А про это, кажется, у нас не писали.

ЭРИХ МЮЗАМ

Телеграф принес известие, что писатель Эрих Мюзам, который с другими 130 видными представителями германской интеллигенции в ночь пожара германского рейхстага был арестован и вскоре после этого брошен в один из концлагерей, повесился в тюремной камере. Мы не знаем, правда ли это. Для каждого, кто лично представлял, чтобы этот мужественный, настойчивый человек, сумевший в течение многих лет перенести страшные страдания, — чтобы его даже самые ужасные мучения могли принудить совершить самоубийство. Гораздо более правдоподобно, что его убили. Ведь фашистские палачи уничтожают своих врагов не только «при попытке к бегству»; часто фашисты, как нам это известно по сообщениям из концлагеря Дахау и других, дают заключенным «возможность» покончить жизнь самоубийством: они с весьма определенными угрозами вешают веревку в тюремной камере. Не подлежит сомнению только то, что Мюзам не в живых.

Он был одним из многих, за освобождение которых мы боремся в течение 16 месяцев. Он не был коммунистом; однако по своему умонастроению, темпераменту и характеру он был если не революционером, то во всяком случае бунтарем. Черты бунтарства сказываются уже в его первых стихотворениях, которые он печатал в начале столетия в мюнхенском журнале «Симплициссимус» и которые всегда привлекали всеобщее внимание. Часто он сам читал их в леворадикальном мюнхенском кабаре «Одиннадцать палачей».

В центре литературной сцены, к которой он тогда принадлежал, стояли тогда знаменитый писатель Франк Верденкинд и публицист-анархист Густав Ландауэр. Совместно с Ландауэром вступил он после ноябрьской революции 1918 г. окончательно на политическую арену, к которой он до того времени оставался писателем, только изредка приближаясь к ней.

Он был одним из многих, за освобождение которых мы боремся в течение 16 месяцев. Он не был коммунистом; однако по своему умонастроению, темпераменту и характеру он был если не революционером, то во всяком случае бунтарем. Черты бунтарства сказываются уже в его первых стихотворениях, которые он печатал в начале столетия в мюнхенском журнале «Симплициссимус» и которые всегда привлекали всеобщее внимание. Часто он сам читал их в леворадикальном мюнхенском кабаре «Одиннадцать палачей».

В центре литературной сцены, к которой он тогда принадлежал, стояли тогда знаменитый писатель Франк Верденкинд и публицист-анархист Густав Ландауэр. Совместно с Ландауэром вступил он после ноябрьской революции 1918 г. окончательно на политическую арену, к которой он до того времени оставался писателем, только изредка приближаясь к ней.

Он был одним из многих, за освобождение которых мы боремся в течение 16 месяцев. Он не был коммунистом; однако по своему умонастроению, темпераменту и характеру он был если не революционером, то во всяком случае бунтарем. Черты бунтарства сказываются уже в его первых стихотворениях, которые он печатал в начале столетия в мюнхенском журнале «Симплициссимус» и которые всегда привлекали всеобщее внимание. Часто он сам читал их в леворадикальном мюнхенском кабаре «Одиннадцать палачей».

В центре литературной сцены, к которой он тогда принадлежал, стояли тогда знаменитый писатель Франк Верденкинд и публицист-анархист Густав Ландауэр. Совместно с Ландауэром вступил он после ноябрьской революции 1918 г. окончательно на политическую арену, к которой он до того времени оставался писателем, только изредка приближаясь к ней.

Он был одним из многих, за освобождение которых мы боремся в течение 16 месяцев. Он не был коммунистом; однако по своему умонастроению, темпераменту и характеру он был если не революционером, то во всяком случае бунтарем. Черты бунтарства сказываются уже в его первых стихотворениях, которые он печатал в начале столетия в мюнхенском журнале «Симплициссимус» и которые всегда привлекали всеобщее внимание. Часто он сам читал их в леворадикальном мюнхенском кабаре «Одиннадцать палачей».

В центре литературной сцены, к которой он тогда принадлежал, стояли тогда знаменитый писатель Франк Верденкинд и публицист-анархист Густав Ландауэр. Совместно с Ландауэром вступил он после ноябрьской революции 1918 г. окончательно на политическую арену, к которой он до того времени оставался писателем, только изредка приближаясь к ней.

Он был одним из многих, за освобождение которых мы боремся в течение 16 месяцев. Он не был коммунистом; однако по своему умонастроению, темпераменту и характеру он был если не революционером, то во всяком случае бунтарем. Черты бунтарства сказываются уже в его первых стихотворениях, которые он печатал в начале столетия в мюнхенском журнале «Симплициссимус» и которые всегда привлекали всеобщее внимание. Часто он сам читал их в леворадикальном мюнхенском кабаре «Одиннадцать палачей».

В центре литературной сцены, к которой он тогда принадлежал, стояли тогда знаменитый писатель Франк Верденкинд и публицист-анархист Густав Ландауэр. Совместно с Ландауэром вступил он после ноябрьской революции 1918 г. окончательно на политическую арену, к которой он до того времени оставался писателем, только изредка приближаясь к ней.

Он был одним из многих, за освобождение которых мы боремся в течение 16 месяцев. Он не был коммунистом; однако по своему умонастроению, темпераменту и характеру он был если не революционером, то во всяком случае бунтарем. Черты бунтарства сказываются уже в его первых стихотворениях, которые он печатал в начале столетия в мюнхенском журнале «Симплициссимус» и которые всегда привлекали всеобщее внимание. Часто он сам читал их в леворадикальном мюнхенском кабаре «Одиннадцать палачей».

В центре литературной сцены, к которой он тогда принадлежал, стояли тогда знаменитый писатель Франк Верденкинд и публицист-анархист Густав Ландауэр. Совместно с Ландауэром вступил он после ноябрьской революции 1918 г. окончательно на политическую арену, к которой он до того времени оставался писателем, только изредка приближаясь к ней.

Он был одним из многих, за освобождение которых мы боремся в течение 16 месяцев. Он не был коммунистом; однако по своему умонастроению, темпераменту и характеру он был если не революционером, то во всяком случае бунтарем. Черты бунтарства сказываются уже в его первых стихотворениях, которые он печатал в начале столетия в мюнхенском журнале «Симплициссимус» и которые всегда привлекали всеобщее внимание. Часто он сам читал их в леворадикальном мюнхенском кабаре «Одиннадцать палачей».

В центре литературной сцены, к которой он тогда принадлежал, стояли тогда знаменитый писатель Франк Верденкинд и публицист-анархист Густав Ландауэр. Совместно с Ландауэром вступил он после ноябрьской революции 1918 г. окончательно на политическую арену, к которой он до того времени оставался писателем, только изредка приближаясь к ней.

Он был одним из многих, за освобождение которых мы боремся в течение 16 месяцев. Он не был коммунистом; однако по своему умонастроению, темпераменту и характеру он был если не революционером, то во всяком случае бунтарем. Черты бунтарства сказываются уже в его первых стихотворениях, которые он печатал в начале столетия в мюнхенском журнале «Симплициссимус» и которые всегда привлекали всеобщее внимание. Часто он сам читал их в леворадикальном мюнхенском кабаре «Одиннадцать палачей».

В центре литературной сцены, к которой он тогда принадлежал, стояли тогда знаменитый писатель Франк Верденкинд и публицист-анархист Густав Ландауэр. Совместно с Ландауэром вступил он после ноябрьской революции 1918 г. окончательно на политическую арену, к которой он до того времени оставался писателем, только изредка приближаясь к ней.

Проф. К. И. Скрябин — заслуженный деятель науки

Наука и литература

— Ни для кого не секрет, что современный ученый в огромном большинстве случаев оказывается мало сведущим в вопросах литературы. Колоссальная загруженность, необходимость следить за динамикой научной мысли по многочисленным иностранным источникам до такой степени перекашивает время ученого, что он, как правило, не имеет возможности позволить себе «роскошь» регулярно читать беллетристику. Это трагедия для многих ученых, но — факт остается фактом. Чаще удается познаться с произведениями современной литературы, поставленными на театре.

Меня особенно интересовали два вопроса: насколько часто наши писатели освещают в своих произведениях жизнь советского ученого и насколько правильно рисуют они образ старого и ученого, честно служащего нашему времени, или представителей научной молодежи — аспирантов, докторов.

На первый вопрос приходится ответить совершенно определенно: наши писатели не включили в орбиту своего внимания работников науки.

И этот факт я считаю большой погрешностью советской литературы. Наука наша отнюдь не оторвана от действительности. В наше замечательное время научно-исследовательской мыслью проникнута вся хозяйственная жизнь страны. На строго научных принципах базируется исключительное по замыслам и масштабам социалистическое строительство. Научные методы, научные достижения вошли в обиход деятельности каждого советского работника. Любая рабочая, осваивающая технику своего производства, связана с наукой. Не замечать науку в нашей обстановке, не отражать жизнь ее работников в художественных произведениях — неверно и вредно.

На второй вопрос позволю себе ответить не менее определенно. Если писатели и пробуют отразить образ ученого, то выходит у них не удачно. Возьмем для примера хорошо известный «Страх», о котором было столько разговоров. В этом произведении много искусственного. Там фигурируют не живые образы, не люди, взятые из жизни, а типы надуманные, созданные абстрактным пред-

ставлением автора. В этом отношении современная литература мало чем отличается от старой, которая изображала ученых несерьезно, подчеркивая отдельные особенности их характера, часто притом анекдотического свойства, но упуская основное в психике и образе ученого.

Объясняется это очень просто. Наши писатели не знают жизни ученого, не стоят близко к науке, а без этого сделать науку и ученых материалом художественного произведения — невозможно.

Хочется пожелать, чтобы советские писатели вспоминали, наконец, об этом забытом участке, создавая образы четких и психологически правдивых. Хотелось бы, чтобы их книги научили читателей глубже и правдивее понимать своеобразную психику людей, всю свою жизнь отдавая науке. Советский ученый достаточно интересный объект изучения, чтобы писателям стоило потрудиться над ним.

В. ЮЖНЫЙ.

ЖУРНАЛ И ЧИТАТЕЛИ

Было время, когда толстые литературно-художественные журналы ждали широких читательских аудиторий и повседневная связь их с читателем отсутствовала. Исключения не составляли и «Литературный современник».

Трудно решать, насколько удачно сложилось положение с массовой работой вокруг страниц всех толстых журналов в настоящее время, однако можно со всей ответственностью заявить, что «Литературный современник» в последнее время не мало сделал для разрушения китайской стены между редакцией, сотрудниками журнала и читателями.

Первым значительным мероприятием в этой области была товарищеская встреча писателей — сотрудников журнала с рабочими, систематически читающими художественную литературу в Московско-Нарском доме культуры. Об этой встрече в свое время сообщалось на страницах «Л. Г.».

К вечеру была выпущена брошюра с контрольными вопросами писателя читателю. Нет сомнения в том, что этот вечер привнес внимание читателя к новой работе Юрия Германа — роману «Наши знакомые». Роман этот печатается в «Литературном современнике».

Недавно в областном доме работников просвещения «Литературный современник» организовал творческий самоучет А. П. Чапыгина. С августа месяца в журнале «Литературный современник» будет печататься новый роман А. П. Чапыгина «Гулящие люди», о раскольниках, гулящих людях XVII века.

Творческий самоучет А. П. Чапыгина ставил своей задачей подготовить читателя к встрече романа «Гулящие люди» и положить начало его дальнейшему обсуждению.

Читатели, присутствовавшие на этом вечере, очень внимательно отнеслись к встрече; их вопросы отличались большой продуманностью, вниманием, знанием творчества А. П. Чапыгина. К этому вечеру была выпущена брошюра, библиотека устроила организованную выставку творчества писателя.

На очереди встречи педагогов Ленинграда с писателем В. А. Кавериним, новый роман которого «Исполнение желаний» печатается в «Литературном современнике». В печати находится брошюра, посвященная творчеству В. Каверина с его вступительным словом к читателю. Роман «Исполнение желаний» написан на материале жизни советских ученых научно-исследовательских институтов Ленинграда в промежуток времени с 1926 по 1931 г.

Помимо вечеров — творческих самоучетов писателей — сотрудников «Лит. современника» с серьезной подготовкой к ним журнал проводит небольшие информационные типа выступления редакции в самых разнообразных читательских аудиториях.

Всяма любопытной в этом плане была встреча читателей с писателем — молодым человеком — сотрудником «Лит. современника» в клубе им. Державского. Кроме доклада редакции, на вечере выступили молодые писатели и поэты — Леонид Рахманов, Ольга Берггольц, Елена Веттомова, Бронислав Кежун. Каждый из этих товарищей подробно рассказал читателям о своем творчестве. Интересно, что аудитория, сознавая писательскую «молодость» выступающих, большое внимание уделяла их культурному росту, учебе каждого из них. К этому вечеру библиотека неплохо организовала выставку журналов.

Информации редакции были проведены в обильные перерывы в пехах завода «Светлана» и культурбината Оптического завода им. ОГПУ. Перед рабочими этих заводов выступили сотрудники журнала — писатели Юрий Герман, Ольга Берггольц, поэт Вольф Франк.

Такими путями «Литературный современник» налаживает связь с читателями и, прислушиваясь к их голосу, стремится стать организующим центром одного из участков художественной литературы.

В. ЮЖНЫЙ.

Письмо из Ленинграда

его таким образом к страницам журналов.

В Московско-Нарском доме культуры проведен творческий самоучет Юрия Германа, организованный на материале его книги «Вступление». На вечере было много активных содержательных выступлений читателей.

К вечеру была выпущена брошюра с контрольными вопросами писателя читателю. Нет сомнения в том, что этот вечер привнес внимание читателя к новой работе Юрия Германа — роману «Наши знакомые». Роман этот печатается в «Литературном современнике».

Недавно в областном доме работников просвещения «Литературный современник» организовал творческий самоучет А. П. Чапыгина. С августа месяца в журнале «Литературный современник» будет печататься новый роман А. П. Чапыгина «Гулящие люди», о раскольниках, гулящих людях XVII века.

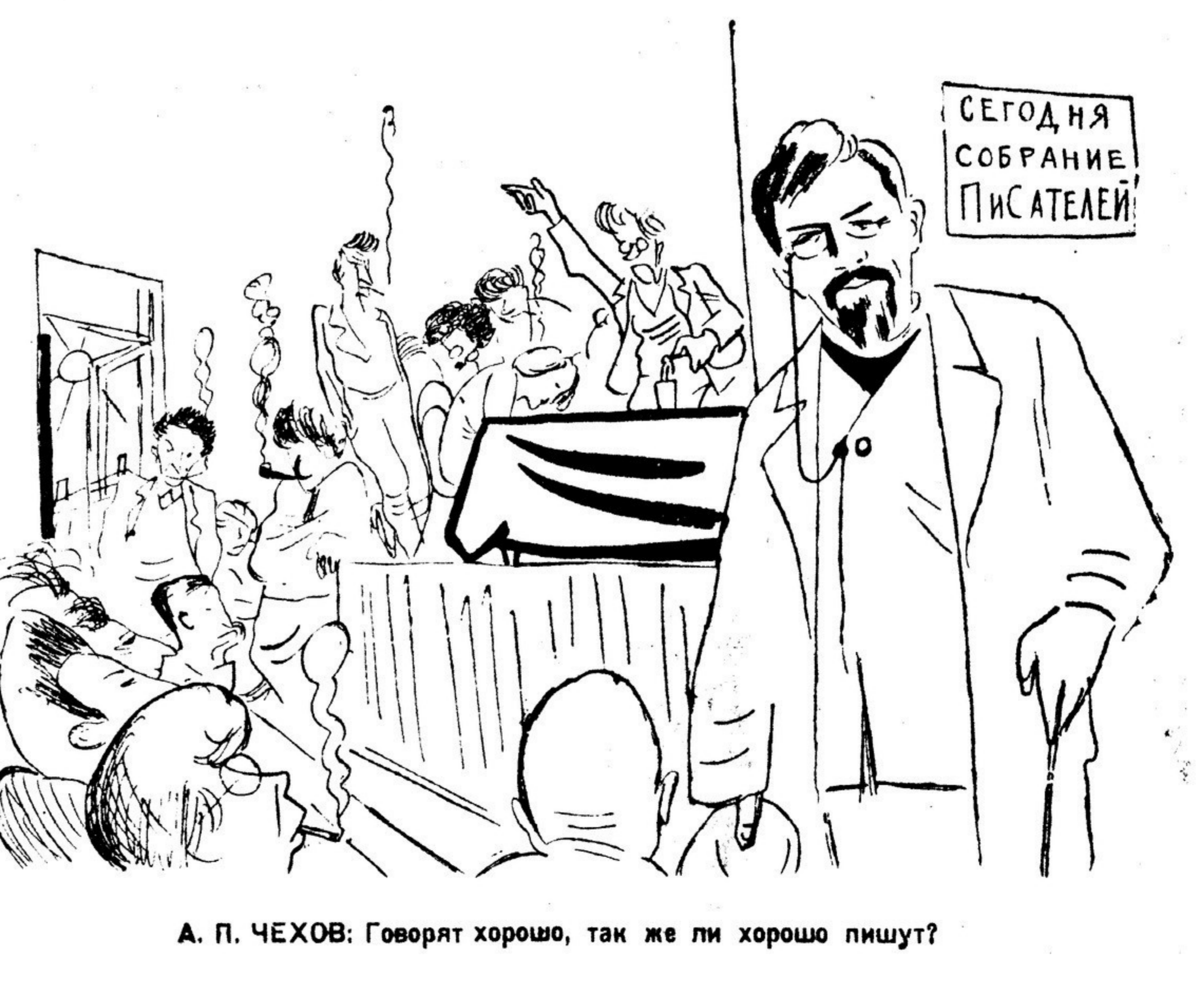

Рисунок Л. Бродяги

А. П. ЧЕХОВ: Говорят хорошо, так же ли хорошо пишут?

1934

ЧЕХОВ

Мастер языка

«... Как стилист Чехов недосыпает, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов» — писал А. М. Горький.

Что прежде всего бросается в глаза уже при первом изучении творчества Чехова, как стилиста? То, что каждый персонаж чеховского рассказа или пьесы говорит своим собственным, только одному ему присущим языком и интонациями.

А какое множество людей самых разнообразных общественных положений, занятий, занятий проходит у него, составляя пестрое население «собрания сочинений Чехова»!

Неудивительно, что он во всех оттенках использовал речь интеллигента, но помотире, как тонко он знает язык ремесленника — сапожников, столяров, плотников, токарей.

Не только мастеровой люд раскрыт им в изучении его «профессиональной речи». Какое богатство приключений лексикона в его рассказе «Святую ночь», в котором монах-перевозчик рассказывает о смерти сочинителя акафистов иеродиакона Николая.

У Чехова не мало образов той особой речи, которая стоит как бы на грани между городской и деревенской. Можно было бы назвать эту речь солдатской. Два примера очень ясны: «словестность» унтера Пришибева и стиль письма, сочиненного солдатом Егором (в рассказе «На святах»).

Унтер Пришибев хрипит: «Я не мужик, я унтер-офицер, отставной катенармус, в Варшаве служил, в штабе-с, а после, как взводите знать, как в чистую выпел, был в пожарных-с, а после того по слабости болезни ушел из пожарных и два года в мужской классической гимназии в швейцарах служил».

А вот что написал Егор зятю старухи Ефимьи, которая хотела сказать так много ласковых слов и зятю и дочери: «В настоящее время как судьба ваша себе себе определила на Военное Поприще, то мы Вам советуем взглянуть в устав Дисциплинарных Высказаний и Уголовных законов Военного Ведомства, и Вы увидите в оном законе Пыльязацию Чинов Военного Ведомства».

Именно этого правила и придерживался сам Чехов. Если в его ранних рассказах из крестьянской жизни мы кое где еще и встречаемся с «шутай», «ефто» и «энтот», то от этой вульгаризации и нарочитости нет и следа в «Мужиках», в «Новой даче», «В оврате».

Чтобы передать несколько затрудненную речь старика Чикильдева в «Мужиках», он пользуется словечками вроде «добровольно», «значит», «известно», не к месту и не во-время вставляемыми в его речь.

Его мужики неправильно произносят иностранные слова — «зауштрафована». Сохраняет он и некоторые особенности крестьянского говора — «попалиться» вместо пожалуйста. Сложные понятия и трудные городские обороты передаются мужиками в искаженном виде.

Речь крестьян звучит у Чехова совершенно правильной русской речью с некоторыми только отклонениями в глагольных формах. Никаких «специфических» мужицких слов и выражений мы у него не найдем. А между тем он чрезвычайно искусно пользуется интонациями крестьянской речи в том, например, случае, когда ему нужно показать, что мужик нахвастался «умных слов». Так, староста Антип Сидельников объясняет Чикильдеву: «От земского начальника все завяжется. В административном заседании 26 числа должно завести повод своему недовольству, словесно или на бумаге». И деревенские дети говорят у Чехова не искажая русской речи.

Манера произносить те или иные слова часто расширяет и внутреннюю сущность действующих у Чехова персонажей. Так, становой, которого зовут в деревне «барин», сердито спрашивает у Чикильдева: «Ночему ты молчишь. Я тебе спрашиваю». И в этом «тебе» вместо тебя выражается высшее презрение барина.

Монах Сысой в рассказе «Архирей» человек угрюмый, вечно всем недовольный, но разговаривающий совершенно грамотно, только одно слово произносит неправильно: «не нравится мне это». И это «не нравится» как раз и определяет грубость и черствость сердца отца Сысы.

У Чехова есть и другой способ вскрывать внутреннюю сущность человека. Это его манера находить в человеке черты «настальности»: «толстая, худая трактирщица, поменьше сына с белугой». «Беременная да-

ма с короткими руками и длинной шеей, похожая на конуру». «Барышня, похожая на рыбу хвостом вверх». «Хочется думать, судя по лицу, что под волосами в нее жары». Самое меткое в характеристике Наташи в «Трех сестрах» это, что о ней сказано: «она похожа на першпанаж или пестрого оленя». А у Аксиньи «В оврате» «глаза зеленые, как у овцы» и похожа она на «гадюку» в спелой ржи».

Юмористическое звучание его языка достигается необычайно смелым использованием, так сказать, идиотизмами речи: «эмлетрессирование из испарения воды», «казавский князь в белом шерстяе ехал в открытом фелетоне». Действительный статский советник, глядевший на красивый ландшафт, сказал: «Какое чудное отправление природы».

Его действующие лица постоянно употребляют поговорки, присловия, нарочито искажают слова, и это придает особую выразительность их речи. Этим Чехов пользуется для создания впечатления пошлости: «Недурственно», «здравствуйте пожалуйста», «вы не имеете никакого римского права», «он ахнул не успел» и т. д.

Л. Н. Толстой так определял основное свойство Чехова: «Чехова, как художника нельзя даже и сравнивать с прежними русскими писателями — с Тургеневым, с Достоевским или со мной. У Чехова своя собственная форма, как у импрессионистов. Смотря, как человек будто без всякого разбора мажет красками, какие попадают ему под руку, и никакого будто отношения эти мазки между собой не имеют. Но отойдешь, посмотря, и в общем получаешь удивительное впечатление. Перед нами яркая, неотразаемая картина».

«Импрессионизм» Чехова особенно явно выражается в пользовании сравнением и метафорой. Вот несколько примеров.

Туча — «имеет вид фортепьяно». Була — «похоже на розаль».

Чувство — «похоже на белый молодой пушистый снег».

Лунный свет — «затуманился, стал как будто бы грязней, черные лохмотья слеза уже поднимались вверх, и одно из них грубо, неуклюже, похуже на лапу с пальцами, тинулось к луне».

«И пока она пела — мне казалось, что я ем сладкую слабую душистую дыню».

Когда морская пена покрыла брошенный моток с тесом — моток оказался «кутаным в кружева».

Вот весенний пейзаж: «Было тепло и ясный день. В первый раз выгляды скотину, и около стада топтали девушки и бабы, одетые по-праздничному. Бурый бык ревел, радуясь свободе, и рыл перевернутыми ногами землю. Вверху и вверху и внизу пели жа-

Юр. Соболев

решки». Рев бурого быка — красная, которой оживлена вся картина. Пейзаж оставляет неотразимое впечатление подбором красок. Закатное солнце, прятая за топящиеся в беспорядке облака на горизонте, «красит их и небо во всевозможные цвета: в багряный, оранжевый, золотой, лиловый, фиолетовый. Одно облачко похоже на монаха, другое на рыбу, третье на турка в чалме. Заревло охватило треть неба, блещит в черном кресте и в стеклах господского дома, отвечает в реке и дулом жак, дрожит на деревьях». (Рассказ «Красавицы»).

Чтобы запомнить эти краски, нужно было бы сделать совершенно исключительной художественной памятью. Вернувшись из поездки на Сахалин, он писал знакомому, что «вспоминает все до мельчайших подробностей: даже выражение глаз у нашего пародического ресторатора, отставного жандарма». Поэтому и мог Чехов заметить, что поспевший овес «отсвечивал на солнце, как перламутр».

Уход за словом, конструкция фразы, то или иное расположение в ней слов, и даже больше, — повторение в ней тех или иных букв — вот замечательное свойство Чехова-писателя. Он, например, говорит, что название научной статьи «Очерки санитарной статистики» неудачно, ибо здесь два иностранных слова, кроме того «оно немощно длинно, и немощно не благозвучно, так как содержит много С и много Т. Вы называете книгу по-русски, напр., «Записки врача» или что-нибудь в этом роде». (Курьере, 23 дек. 99. Письма, т. V).

Он предпочитает так же и от старинных слов, рекомендуя, например, А. С. Суворину отказываться от «пошлости» и «пошло», так как эти слова «уже устарели».

Еще в «осколочную» свою пору Чехов говорил, что «искусство писать состоит собственно не в искусстве писать, а... в искусстве вычеркивать много написанного». И тогда же ему было ясно, что нужно «строить фразу, делать ее сочнее, жирнее. Надо рассказывать пять, шесть дней и думать о нем все время, пока пишешь. Иначе фразы выйдут себе не выработанные. Надо чтоб, как жидкая фраза, прежде чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу два дня и обмыслась». (Из письма Чехова к А. С. Грузинскому).

Немаловажные, устаревшие и провинциальные слова — вот что выделяется в Чехове отращивание. А. В. Жерковичу он указывал, что такие провинциализмы, как «попоры», «хата» в подробном рассказе кажутся «специальными». Он не себе знал, как трудно избавиться от провинциализмов. В его ранних рассказах их очень много.

Тщательная авторедактура при включении рассказов в журналы рассказов в отдельные сборники.

и не задерживает внимания. Наоборот, неудобно и тяжело для мозга, если я пишу: «высокий узкогрудый, среднего роста человек с рыжеватыми бородами сед на зеленую, еще заметную пещолодами траву, сел бесшумно, робко и путливо оглядываясь... Это не сразу укладывается в мозгу, а беллетристика должна укладываться сразу, в секунду». (М. Горькому 3 сент. 99. Письма, т. V, стр. 489).

Л. А. Авилловой он советовал вычеркивать лишнее. «Вы не работаете над фразой. — говорил он. Фразу надо делать, в этом искусство. Надо отщипать фразу от «по мере того, «при помощи», надо заботиться об ее музыкальности и не допускать в одной фразе почти рядом «стал» и «перестала». Голубушка, ведь такие словечки, как «безупречная», «на изломе», «в лабиринте» — ведь это одно оскорбление! Я еще допускаю рядом «казался» и «касался», но безупречно — это шереховато, не должно и гонится только для разговорного языка». (Л. А. Авилловой 3 ноября 97. Письма, т. V).

Уход за словом, конструкция фразы, то или иное расположение в ней слов, и даже больше, — повторение в ней тех или иных букв — вот замечательное свойство Чехова-писателя. Он, например, говорит, что название научной статьи «Очерки санитарной статистики» неудачно, ибо здесь два иностранных слова, кроме того «оно немощно длинно, и немощно не благозвучно, так как содержит много С и много Т. Вы называете книгу по-русски, напр., «Записки врача» или что-нибудь в этом роде». (Курьере, 23 дек. 99. Письма, т. V).

Он предпочитает так же и от старинных слов, рекомендуя, например, А. С. Суворину отказываться от «пошлости» и «пошло», так как эти слова «уже устарели».

Еще в «осколочную» свою пору Чехов говорил, что «искусство писать состоит собственно не в искусстве писать, а... в искусстве вычеркивать много написанного». И тогда же ему было ясно, что нужно «строить фразу, делать ее сочнее, жирнее. Надо рассказывать пять, шесть дней и думать о нем все время, пока пишешь. Иначе фразы выйдут себе не выработанные. Надо чтоб, как жидкая фраза, прежде чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу два дня и обмыслась». (Из письма Чехова к А. С. Грузинскому).

Немаловажные, устаревшие и провинциальные слова — вот что выделяется в Чехове отращивание. А. В. Жерковичу он указывал, что такие провинциализмы, как «попоры», «хата» в подробном рассказе кажутся «специальными». Он не себе знал, как трудно избавиться от провинциализмов. В его ранних рассказах их очень много.

Тщательная авторедактура при включении рассказов в журналы рассказов в отдельные сборники.

редактура, в которой был всегда особенно внимателен Чехов, вытравляла шереховатости и провинциализмы его речи. Боролся он с избытком метафор и восклицаний, так же как с избытком многоточий. Его седины неизменно поставленные знаки препинания, а они ведь «воты при чтении!»

Он был всегда озабочен выбором названия для рассказа. Вот пример его кропотливой заботливости не впасть в ту же банальность «безупречных» и «на изломе», от которых он предостерегал Л. А. Авиллову. В. М. Лаврову, печатавшему в «Русской мысли» его новый рассказ, он предложил шесть вариантов названий: 1) В Петербурге; 2) Рассказ моего знакомого; 3) Восемидесять лет; 4) Без заглавия; 5) Повесть без названия; 6) Рассказ неизвестного человека. Только шестой вариант показался ему подходящим. Примечательно, что первое название — «В Петербурге» — представлялось ему «скудным», а второе — «Рассказ моего знакомого» — «как будто длинный». Название же «Восемидесять лет» было решительно отвергнуто как «претенциозное».

И когда он укорял писательницу Л. Авиллову, что она мало отделяет, — а писательница же должна не писать, а вышивать на бумаге, чтобы труд был кропотливым, мелительным». — то знал по опыту, что значит писать «на отмах», что значит вечное скоросписание. Ведь именно за это небрежное отношение к собственному дарованию он и казался в юности перед стариком Григорьевичем.

В последние же годы своей жизни он писал по две, по три строчки в день, безжалостно вычеркивая и сокращая. Он больше всего боялся неулучших подробностей. Однажды в Риме — в 1900 или 1901 г. — он видел процессию «выкуривания остатков карнавала», очень пеструю и затейливую. Его спутник сказал, что эта процессия дала бы много материала для описания — уж очень любопытные подробности.

«Напротив», — ответил Чехов, — современный писатель должен был бы удивляться только одной фразой: «Проходила очень глупая процессия»...

Мы еще очень мало изучали стиль и язык Чехова. Но когда задумаешь о его великолепии мастерства, невольно вспоминаешь Пушкина-прозаика. Что-то пушкинское, идиущее от «Повести Белкина», звучит в простоте, претельности скатости и как бы даже скудности чеховского языка.

Но эта простота говорит не о бедности его наблюдений, а о богатстве знаний. О благородстве вкуса.

«Скучность» убеждает в том, что у Чехова, как у подлинного художника, всегда, — «словом тесно, мыслям пространно».

ЧЕХОВ В ЗАПАДЕ

Ал. Дейч

Общественно утверждение, что Чехов — художник русский, специфически русский, А. М. Горький в своих воспоминаниях о Толстом рассказывает, как однажды Толстой, обратившись к Чехову, сказал:

«Вот вы, вы русский! Да, очень, очень русский».

Действительно, творчество Чехова тесно связано с русской действительностью его эпохи, эпохи глухого и мрачного безразличия.

Если проследить развитие литературного таланта Чехова, то мы увидим довольно значительную эволюцию в общественном отношении. Чехов вступил на литературный путь политически безразличным человеком и даже в 50-х гг. принимал участие в реакционной суворинской газете «Новое время». В 90-х годах он отходит от «нововременцев», сблизился с либеральными органами печати. Еще в 1889 году в письме к Плещеву Чехов называет либеральных литераторов «узелковыми инвентарями», выступающими «под флагом угнетенной свободомыслия». И уже через несколько лет мы видим, что он осуждает тот самодержавный строй, при котором его наблюдательный взгляд, выливая ушатом помоя на лучших людей Франции, требовал пересмотра дела Дрейфуса. Суворин нападал на Золя, и Чехов в письмах к Суворину писал, что Золя «в этом своем процессе, как в склянке», ослеп от насонных ослепших пятен и теперь засиял перед французами в своем настоящем блеске. Эта чистота и нравственная высота, каких не подолерзали».

Иза-за дела Дрейфуса произошел окончательный разрыв между Чеховым и «нововременцами». Чехову пришлось видеть в Париже выступление рабочих на улицах и присутствовать в Палате депутатов на заседании, где обсуждался вопрос по поводу усмирения бастующих рабочих. Общие впечатления от виден-

ного им в буржуазных государствах было значительное: «Русскому человеку, бедному и приниженому, здесь, в мире красоты, богатства и свободы, не трудно сойти с ума. Хочется здесь навеки остаться».

И вот западная критика наших дней, вычисляя в произведении Чехова, старается разгадать тайну его обаяния. Известный французский критик, Эдмон Жаду, анализируя рассказы Чехова в газете «Нувель литтерер», так и не может додуматься до того, чем близок Чехов французскому читателю: «На первый взгляд он только реалист, и его реализм самый будничнейший, самый банальный, которым мы пренебрежны и не от которого мы устало отворачиваемся».

Другой французский критик Жан Жак Бернар (в журнале «Эзурн ну-вель»), говоря о постановке «Трех сестер» в парижском «Театре искусств» находил в Чехове «смесь печального реализма с необузданным мистицизмом». Разумеется, это утонченный вздор эстетствующего критика.

Интерес, возникший в послевоенный период к Чехову на Западе, может быть объяснен только тем, что прекрасное, эмоциональное и глубоко волнующее отображение «печальной действительности» затрагивает сокровенные струны сердец читателей, проносящихся в столь же неприглядной действительности, как и чеховские герои.

И правы те западные критики, которые находят в Чехове не далекого и непонятного экзотика, а ту эстетическую ценность, связанную с глубиной человеческой, которая привлекает к себе читателя. Эдмон Жаду, сравнивая Чехова с французскими мастерами новеллы Меримэ и Мопассаном, пишет: «Чехов не мог бы очаровать до такой степени русских, англичан, французов и японцев, если бы он не был общечеловеческим мыслителем».

Вопрос о постановке Чехова на французском театре — проблема, неоднократно возникающая у критиков и режиссеров. Гастроли Станиславского в Париже показали «Винный сад» на сцене театра Блюа-Вокс Шюллер и вызвали бурное одобрение прессы и зрителей. Затем П. Метц, французились русский актер и режиссер, поставил «Дядю Ваню» и «Три сестры». С тех пор установи-

лось традиционное мнение в театральной критике, что Чехов может показывать французам только русский театр или русский режиссер. И лишь на-днях, в начале июня этого года, как пишью выражается Жан Жак Бернар, «состоялась решительная встреча Чехова с французским духом: режиссер Мари-Анж Гиван осуществила постановку мало известной пьесы Чехова «На большой дороге» (театр Малой сцены). Французская печать отмечает удачную передачу «атмосферы Чеховского спектакля, заставляющую вспомнить филигранную работу театра настроений Станиславского».

Послевоенная Германия, подобно Франции, обнаруживает значительный интерес к творчеству Чехова.

Особенно сильно влияние Чехова на английскую и американскую литературу.

«Британская энциклопедия» в статье о Чехове указывает, что творчество писателя глубоко корнями в Англии: «В 1926 году влияние Чехова достигло своего апогея. Англичане оказались исключительно восприимчивы к его обаянию. Он рассматривается как крупнейший русский писатель, новеллист и драматург современности. Английские критики даже называют его величайшим драматургом со времен Шекспира. Нет никакого сомнения в том, что английская литература воспользовалась методами Чехова не меньше, чем русская, и если можно говорить о школе Чехова, то ее надо искать в Англии».

Ряд молодых английских писателей-новеллистов (англо-американские) обратились к Чехову, чтобы учиться у него искусству «мелкобуржуазного быта» действительности. Находятся под сильным влиянием Чехова новеллы Катерин Менсфильд, рассказы Шервуда Андерсона, изображающего «слишком мелких» мелкобуржуазного провинциального Америки, некоторые произведения Дос-Пассоса.

Из постановок Чехова на английской сцене надо отметить прежде всего лондонский спектакль — «Чайка» с Валерией Тейлор в роли Нины Заречной. Пьеса и исполнение получили восторженную оценку английской критики и дали новый повод заговорить о творчестве Чехова.

Еще прочнее чем в Англии вошел Чехов в репертуар японского театра послевоенного периода. Чеховские и здесь огромные социальные дви-

1902 г.

История одного рассказа

Неопубликованное письмо А. П. Чехова

Летом 1903 г. Антон Павлович жил в Наро-Фоминском, Московской губ. Приближительно в половине июня он получил следующее письмо из Петербурга:

1903 г. VII.

Глубокоуважаемый Антон Павлович!

Простите, что беспокою Вас просьбой. Дело в том, что я и доктор Влад. Влад. Чехов (один из именников в Петербурге чтецов Ваших произведений) держали пари а диспуте прозаический рассказ Ваших произведений «Пари». Доктор В. В. Чехов утверждал, что он читал не сколько лет назад этот рассказ, написанный в «Новом времени», со следующим окончанием: юрист, ушедший за 5 часов до срока и этим проигравший пари, отказывается от 2 миллионов, в конце концов пошел к своему постулке и явился к банкиру с повинной. Я же утверждал, что Ваш рассказ оканчивается только бездумным юристом из заключения во всех изданиях (полное собрание сочинений А. П. Чехова «Собрание «Нивы» и издание Суворина), потому и никак не могу допустить, чтобы один и тот же рассказ одного и того же автора оканчивался разное, чтобы один конец по идее противоречил другому.

Но из нас прав? Была в редакции «Нового времени» и ничего не добавляя, в Публичной библиотеке тоже трудно найти, почему решился побеспокоить Вас. Простите, прошу Вас.

Если Вас не очень затруднит, напишите 2 слова.

Искренне глубоко уважающий Вас А. П. Попова.

Уезжаю в отпуск, прилагаю логичный адрес. Чехов пишет врату Поповой следующее письмо: 17 июня 1903. Многоуважаемая Анастасия Николаевна! «Увы!» — Владимир Владимирович!

Письмо врача Поповой Чехову любезно сообщено автору этих строк Е. Н. Коншиной.

Быстрый рост капитализма, пролетаризация широких масс, возникновение большого количества лишних людей создали настроения, созвучные чеховским. Театр «Тсукидзи» в Токио поставил ряд чеховских пьес: «Винный сад», «Дядю Ваню».

Мы перечислили здесь лишь несколько стран, в которых творчество Чехова вызвало большой интерес и оказало влияние на литературу. Неудивительно, что капиталистический мир в послевоенные годы, пытаясь оправдать от моральных потрясений, обращается к чеховским мотивам и ищет в них источник для раздумий.

Однако, подлинное значение Чехова для западного читателя заключается не в том, что Чехов помогает привыкнуть к языку окружающего мира. Сила чеховских вещей и их моральное значение в том, что они показывают, как бессмысленно, слабо и аполитично заглядывают люди в мешающую прозябание, в стоячие и гниющие болота.

Для того чуткого читателя, который сумеет найти в творчестве Чехова это жанровое, зовущее к жизни и борьбе начало, — вскрыются полнейший смысл и полнейшая сила Чехова-художника и творца, великого реалиста и бытописателя «журной действительности», с которой надо мириться, а которую надо побороть и победить для новой и ясной жизни.

«Дорогой Антон Павлович, неужели не узнали меня? — Я Каштанка. Право, я не виновата, что меня так художники рисовали»...

совершенно прав. В «Новом времени» в восьмидесятых годах у меня был печатан рассказ с таким концом, как он рассказывал Вам. Впоследствии, когда я читал корректуру, мне этот конец очень не понравился (теперь уже я не помню подробностей), покаялся не в меру холодным и суворовым, я бросил рассказ, а потом выбросил конец, прибавил вместо этого конца строки дяди-три и полу-диаметрально противоположный. Конечно, как я теперь сознаю, этот рассказ мне вовсе не следовало печатать в книге, и потому я напечатал, как это вышло, — теперь я не помню, так как это было уже давно. Желаю Вам всего хорошего. Искренне преданный А. Чехов.

Наро-Фоминск Моск. губ. Несомненно, в этой переписке речь идет о рассказе, который Чехов сначала напечатал в «Новом времени» (1889 г., 1 января. № 4613) под заглавием «Сказка», этот рассказ имел три главы. Позже в собрании сочинений Чехов напечатал этот же рассказ под заглавием «Пари», причём третья глава вышла совсем иначе.

Третья глава начиналась так: «Прошел час. Банкир лаял зверем. На этом ветере было много умных людей и велись интересные разговоры. Между прочим шла речь о делах жизни и назначения человека. Говорили о богатом юроте, о совершенстве, еврейской любви, о суете сует и т. п. Гости, состоявшие в большинстве из очень богатых людей, почти все отрицали богатство...»

Между прочим один старик-миллионер, совершил хозина по бирже, заведя, что он, дожив до 66 лет, ни разу не видел золотого, сильного и негугного человека, который отказался бы, например, от миллиона. Хозяин, возмущаясь, заявляет, что знает одного бедняка, который на принцип отказался от двух миллионов. Старик миллионер предлагает пари на миллион. Хозяин предлагает пари на три миллиона. Пари заключено. Но вот, когда хозяин отравился в кабинет, чтобы из несгораемого шкафа достать лист с отрезанным юристом от двух миллионов, давай дождит ему, что его желает видеть какой-то господин. Это был юрист.

«Я тот самый глупец, который потерял пятнадцать лет жизни и отказался от двух миллионов».

«Что же вам угодно? — повторил банкир, бледея».

«Я желаю, чтобы вы не смее судить о жизни, то, что вы видите ее, не имея силы пользоваться ее благами. Солнце так ярко светит! Женщины так обаятельно хороши! Вино так вкусно! Деревья прекрасны! Книжки — это слабая тень жизни, а эта тень меня обгорала! Дорогой мой, — продолжал юрист, падая на колени, я не прошу у вас двух миллионов, я не имею на них права, но умоляю вас, дайте мне сто или двести тысяч! Иначе я убою себя!»

«Хорошо, — сказал глухо банкир. Завтра вы получите то, что хотите».

Пари было, таким образом, проиграно.

Вот эту-то главу Чехов и вынул из собрания рассказов. Почему? Чехов объясняет тем, что рассказ показан ему не в меру холодным и суворым. Возможно, что это так. Но возможно, что в этом случае сказало не только его субъективное отношение к рассказу, но и критика рассказа со стороны литературных друзей Чехова.

Далее Чехов пишет, что он при переписке «Сказки» выбросил конец, прибавил вместо этого конца строки «дяди-три». Это не соответствует действительности: Чехов просто вынул из конца, т. е. III главу, и не прибавил к концу II главы ни строчки, но оставивший текст подвергся стилистической правке.

Сообщил Г. ПРОХОРОВ.

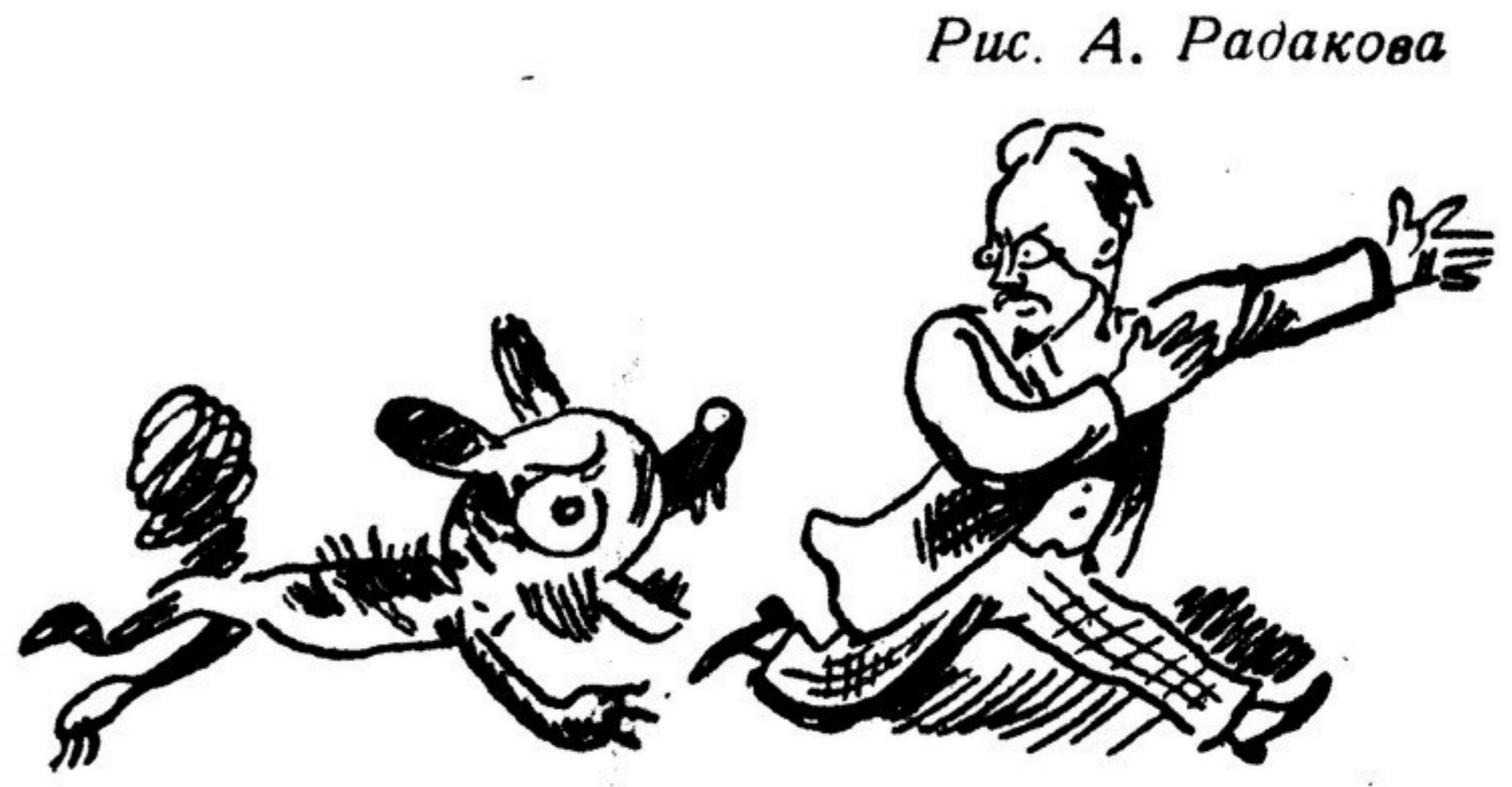

Рис. А. Радакова

На крупнейших предприятиях и в клубах Москвы широко обсуждался роман Бруно Ясенского «Человек меняет кожу».

В большинстве высказываний читателей переключаются один и те же суждения: «Книга написана простым, понятным широким читателем языком».

«Книга как-то поднимает настроение, чувствуешь, что ты действительное являешься участником социалистического строительства».

«Когда я читал книгу, я как будто жил той жизнью, которой жили герои книги».

«Читая книгу, мне казалось, что я участвую в строке... Художественная сила этого произведения в том, что выведенные здесь образы героев социалистического строительства».

Стеной оплетены, посвященный обсуждению романа Б. Ясенского «Человек меняет кожу», выпущенный на механическом заводе (Москва).

Новые издания Чехова

Издательство «Мир» печатает три тома «Переписки А. П. Чехова с О. Л. Книппер».

От Ист-Бродвея до Москвы

Московский зритель шумными овациями запечатлел в своем сердце талантливую артистку Клару Юнг.

И так играет не одна Клара Юнг, так играет и талантливый американский артист Морис Шварц.

Клара Юнг.

Встреча в горах

Придавленный тяжелым взгорем — иду, согнувшись, туда, где шаг с вершинами не спорил, и скал гряда черна, крута, где через заросли и камни я должен сумми пронести и с ветром диким неустанно гореть и выше туч киты.

И натаясь над горным краем легенды звонко среди долин, вот-вот я в пригоршню поймаю веркуши точеных вершин.

И кровью заплюну рудой утесы, пропасть, буерак, где каждый камень брал с бою за царское: Спасиб... Ура!

Подбитый стоном, пал я рядом. За что же стерли целый край? Под'ехал кто-то тихим шагом, как бы промолвил мне: — Вставай! И я поднялся.

Тучи нету. Навстречу мне сияет шпиль. С вершин деревьев — призрак вздытый с улыбкой на безмерность миль. С украинского перевала А. ЧАЧИКОВ.

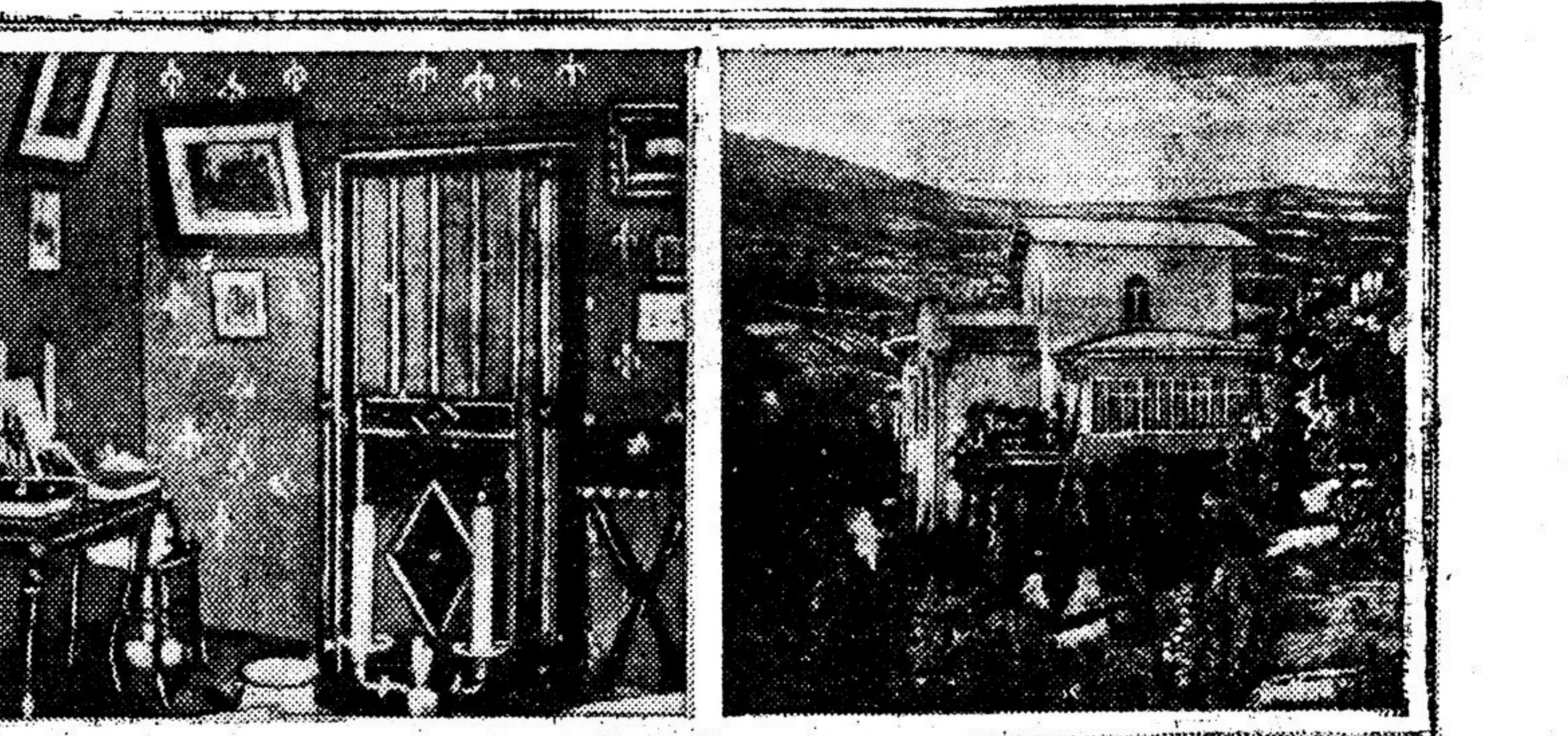
ГОТОВИМСЯ К СЪЕЗДУ

ЗАВОДСКАЯ ЛИТГАЗЕТА будет выходить из Автозавода им. Сталина. Выпуск первого номера подготавливается к всесоюзному съезду писателей.

МЕТАЛЛУРГИ МАГНИТОГОРСКа в порядке подготовки к съезду писателей обсуждают роман В. Катаева «Время, вперед!».

ДВЕ ПРЕМИИ за лучшую подготовку к съезду писателей установлена ЦК союза рабочих леса и сплава для низовых профорганизаций своего союза.

СМОТР САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕТРОСТРОИТЕЛЕЙ закончился на днях. Среди талантливых певцов, музыкантов и т. д. на шахтах выявились и свои поэты: М. Соколов (ударник шахты № 15), Д. Костров (проходчик шахты № 12—14), Зельвенский (защитник шахты № 19—20) и др.

Усилиями организатора и заведующей музея М. П. Чеховой, нежно чуждей, память ее брата, все обстановка в ялтинском доме, где писатель провел свои последние пять лет, сохранена в полной неуручности.

Бесполок о будущем музея, М. П. Чехова скопила небольшой капитал, который хранила в банке специально на содержание чеховского дома.

личной библиотеки СССР им. Ленина, в самой Чеховой назначило пенсионную пенсию. О том, что эти мероприятия вполне отвечают желаниям широчайших читателей масс, исчерпывающим образом свидетельствует бесконечное количество торговых записей экскурсантов, стекающихся в Ялту со всех сторон Союза, в специальной книге музея.

НЕПОНЯТНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Книжка для малышей все еще нет. Пусты полки коллектора детской книжки.

«художники» расправился с этой тематикой, а вслед за ними и литография. Грубо, небрежно, безвкусно наложенные краски, отсутствие элементарной правильности в рисунке, жуткий подбор цвета (пугути на богатом кресте, Белоплугафобедения и ОАХ (позаголовки — Производство наглядных пособий).

Книжная витрина

В издательстве «Время (Ленинград)» вышел V т. собрания сочинений Шарля-Луи Филиппа («В маленьком городке», перевод А. С. Полякова).

Поступила в продажу новая книга Юл. Евразина «Возвращение на Итану».

Вышла книга стихов Вольфа Эрлих (Издательство писателей в Ленинграде).

Повесть М. Зоценко «Возвращенная молодость» вышла вторым изданием.

Дирекция Дома советского писателя извещает, что члены Союза советских писателей, желающие быть членами Дома советского писателя, могут получать членские билеты ежедневно.

ИЗВЕЩЕНИЯ

14 июля, в 19 час., в помещении редакции журн. «Рост» (Садовая-Картузская 3-й дом Советов, через парк) состоится очередное заседание творческого актива «Роста».

Говорить об этой продукции как о продукции художественной не приходится. Текст — беззастенчивая галутера, оформление — просто галутера, оформление — просто галутера.

К двадцатилетию войны

МИНСК (Наш Корр.). Среди советских писателей Белоруссии началась подготовка к ознаменованию 20-летия со дня объявления империалистической войны.

Подготовка к этой годовщине используется для мобилизации внимания писательской общественности на глубокий показ современного состояния Красной армии, на отражение ее мирной учебы, ее залая в деле укрепления обороны страны.

Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская бульвар, 25. Дом Герцена, 3-й этаж, тел. 4-30-63 и 2-80-12. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстная бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА ИМ. А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

СЕКТОР ЗАУЧНОГО ОБУЧЕНИЯ Объявляет прием заочников на режиссерский и театроведческий факультеты (оба отрыва от производства).

Находится в печати и в скором времени выйдет в свет № 7 (июль) журнала

ТЕАТР И ДРАМАТУРГИЯ О. Н. ФЕДИНКО А. Н. АФИНОГЕНОВ